

ЕЛЕНА БЕРДНИКОВА

ОГОНЬ

Елена Бердникова

Огонь

«Издательские решения»

Бердникова Е. Г.

Огонь / Е. Г. Бердникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905788-4

«Огонь» — вольное размышление о русском, о своей национальной идентичности в эпоху упадка этноса. Высокая точка кризиса — возможность рассмотреть свое детство, любимое и проклятое прошлое, всю панораму пульсара. Русское — горячая стихия. В книгу вошли циклы «Первое июня» и «Русские мальчики», поэма «Русская азбука для больших и взрослых», отдельные стихи. Елена Бердникова — репортер «Новой газеты». В оформлении обложки использована акварель Геннадия Бердникова «Пульсар».

ISBN 978-5-44-905788-4

© Бердникова Е. Г.
© Издательские решения

Содержание

РОДНАЯ РЕЧЬ	6
ПЕРВОЕ ИЮНЯ	7
I. 1997	7
II. ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ	9
III. 1993	10
IV. 1995	12
V. ПЛЮЩИХА	14
VI. ЗЕНИТ	15
VII. 1998	16
VIII. В ЭТОМ СВЕТЕ	17
IX. ЧУВСТВО БОГА	18
РУССКАЯ АЗБУКА	19
ПОСВЯЩЕНИЕ	19
А – АННА	20
Б – БРАТЯ	21
В – ВДОХНОВЕНИЕ	22
Г – ГИМН	23
Д – ДВОЕ	24
Е – ЕСТЬ	25
Ё – ЕЁ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Огонь

Елена Геннадьевна Бердникова

Иллюстратор Геннадий Иванович Бердников

© Елена Геннадьевна Бердникова, 2018

© Геннадий Иванович Бердников, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-5788-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РОДНАЯ РЕЧЬ

Тысячи лет прозвенеть, и однажды,
Как колокольчики кто подвязал,
Стихнуть. И в звука внимательной жажде
Ждать, чтобы кто-нибудь что-то сказал.

Даже не слово. Достаточно Слова.
Слоги ли главное для языка?
Просто услышать дрожанье немого:
Томное «О» и пространное «А»,

Будящий «У» и запнутые йотой,
Детские «И», «Е», «Ё», «Ю» и еще
Отзвук, вакхически-русскую ноту:
«Я» от «Иа, Дионис, ты пришел».

Крика трагедии, пенья козлиного,
Замкнутоухие, ждете ли вновь?
Кто выдувает вокальную линию,
Правит пастушеских плеч постанов?

Вакх возвратился из долгого плена,
Музыка-кукла, бог-мальчик, ты – чей?
Полны пещеры. Оставлена сцена.
Все для мистерии новой твоей.

Что-то случится, чего мы не знаем.
Стихли вакханки, и мистики ждут.
Сверх ожиданья мы вдруг совпадаем
С тем, что бывает, случается тут.

24 сентября 2010

ПЕРВОЕ ИЮНЯ

I. 1997

Когда вдруг рухнула советская стена,
Настала черед лет зноя и свободы.
Москва крошилась, плавилась, но нас
Касались сквозняки, нам белые биллборды

«Прорвемся» – сообщали нашу власть
Смеяться в зеркалах и звать благополучье:
Москва, в лесах строительных пылясь,
Чадила шашлыком на развороты «Птюча».

Несчастье ждало нас на всех углах,
Но нас встречало, спотыкаясь, счастье.
Форели жарились на уличных углях,
И брызгался лимон – кислотный свежий саспенс.

В духах арбузных, в джазовом чаду,
В вечернем, неуместном в полдень гриме,
Буддийской столицей Катманду
Мы были, угасая в Третьем Риме.

Но это наш был солнечный зенит:
Шальные просверки, озон большой свободы.
Из детства старого мы вырвались, юны, —
Разрыв сплошной истории абортгов.

Как молод был наш мир – и как жесток,
Как золотом усыпан самоварным.
Трещали стены, и носился сор,
И падал на репринт, почти слепой: «Новалис».

За летом – лето, за жарою – зной,
Все раскаляясь: холода свободы,
Как Колыма, стояли за спиной,
Листали книги на развалах, борзы

В проулках чрева гибнущей Москвы...
На всех был пот и холодок рожденья.
Дома затянуты зеленою сетью – вниз
Там оседала пыль: пол, потолки и стены.

Но рос, светлея, пестрый хаос крыш,
И в сером мареве, как мачты, плыли шпили.

Жаль, моря нет в Москве, но было – и враздызг
Соленой пеной нас – свободой – жгло и мыло.

II. ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Зажги и выдохни,
Потом опять зажди:
Лови, лови при движущемся свете
И в темноте свою скупую жизнь —
Ты, искра, поднимаемая ветром.
Старинно, страшно ремесло твое:
Ночь вокруг тебя, и сам ты – ночь глухая;
Лови, лови и слушай бытие,
На бедность рифм не слишком налегая.
Они – игрушка. Не игрушка – жизнь
И вызов хаоса, полуосенней стужи.
Но пусть тебя берет мороз в тиски, зажим,
Тем ярче ты горишь, преодолая ужас.
Интимность космоса – ее вполне постиг
Ты, ведая в ночи
Костром, копною, полем,
И разрастаются не чувств твоих пути,
А веденье твое: мир мал,
Ушкоуголен.
И веткою березовую ввысь
Бросаешься – измерить расстоянье
Галактики. Системы разошлись,
Но, удаляясь, шлют – отчет тебе – сиянье.
И ты, заночевавший на пути,
Угревшийся в скирде лесной охотник, —
Тебе Вселенная горит-благовестит,
И лестницы стоят, и чёрен камень,
Столп твой.

Ты в дальнем космосе искришься и гостишь,
Зажги и выдохни,
Еще зажди – свободней,
Дыши во мрак, в трепещущую стынь.
Звезде-душе полезен – искре – холод.

III. 1993

К тебе приехали родители
Взглянуть на новое жилье.
Они давно Москвы не видели,
Где рыба с головы гниет.

Полуслепая полу-карлица —
Она, а он – глухой лентяй.
В жару к Арбату томно тянутся,
Туда, где ордена блестят.

Громада МИДа, средостение
Страны, гранитный улей пуст:
Холодной накрывает тенью их,
Так и не влившихся в толпу.

Они так медленно, и под руку
Держась, идут – шажки, шажки, —
Как бы по льду, где всюду – проруби,
И матерятся рыбаки.

Зной, гвалт, гудки, клаксоны, выклики
Из мегафонов и мембран,
Колонок, выставленных с клиросов
Ларьков, палаток, «точек», братств.

Их окружает, неприкаянных,
Одна торговая волна:
Блестит мехами и кокардами...
Но среди зноя – лед, сквозняк

В трубе аэродинамической
Мотает маленьких гостей,
Идущих точно по наитию
Там, где никто их не хотел.

И большеглазы, зрячи, слышащи, —
Ночь, девяносто третий год
Они читают, ловят бликами
Очков, в ума вбирают горсть.

Вполне базаровские пращурь,
Когда Базаров жив и здоров,
Они, измученные, тащатся,
Его заране потеряв.

Бредут назад, и в тени мидовской
Молчат, как изгнанный посол.
Войны сироты... О неистовость
Ветров в Москве, мой новосел!

IV. 1995

Необыкновенное лето.
Природа сошла с ума.
Бледные экстраверты
На рассвете едят лагман.

Номер программ после клуба —
Жирный горячий хаш.
Первыми трезвеют губы.
Официантка Сальха

Подносы с зеленым чаем
Приносит – свежа, молода.
Звонок от бабушки:

– Чадо!
С первым июня!

– Да.

– Праздник защиты детства,
Знаешь ли, – твой всегда.

Не удастся согреться.

– Счастья, удачи!

– Да.

Брызг поливальной машины
Веер – роса столиц.
Пыль из-под щеток щетины
Не долетает – но злит.
Грохот костей о нарды,
Крик за соседним столом.
Делают миллиарды.

– Бабушка, мне повезло.

– С Богом! Удачи, удачи.
С вечною верой в добро
Я остаюсь.

Налачен
Город, и взят под стекло.

Дымом «Лапсан Сушонга»
Дышит из чайника жуть,
Свежесть. И шашки звонко
Воздух табачный жгут.

В трубке – о редкость,
О тяжесть первых связных мобил! —
Кровью прощальной мажет
Голос, и свят, и разбит.

– Бабушка, до свиданья!
Мне – лишь четыре шага,
Как Будде, до осознания.

– Ты рвешься от нас, как всегда.

Дышит немое тело,
Мыслящее сильнее,
Чем голова (отрезвела).
Будда, le petit déjeuner¹.

---

¹ Завтрак (франц.).

У. ПЛЮЩИХА

Последний день июня – с плеч долой:
Глухое воскресенье, банк закрытый,
Модерн, конструктивизм – как бы халвой
Дома прощальной сладостью набиты.
Отвесный свет, но кончен света рост,
И призвуки зимы – как хрипы в легковесном
Метанье тополей. Надломленная трость
Так запевае: свист свирельный, сиплый, ветра.
Сквозит вся улица – вдоль световой волны
Изогнутая, как бамбук балетный.
Пустыня! Дни неверно сочтены
Прощания с тобой, мое тысячелетье.
Песнь альба, трубадуры, Тогенбург
И облако над круглоглазой башней:
Здесь розенкрейцеры последние судьбу
Испили – и ушли внутрь московорецкой пашни.
Испытанные поиском Души,
В «хвостах» молочных кухонь молкли души.
Они ушли, но не совсем ушли:
Их немота осталась нам – дослушать.
И трудно мне заговорить «свое»:
Так дик и хрипл, полубезумен голос;
На мне лежит чужое бытие
Как золотой заговоренный волос
На рукаве. За вас и за себя
Я домолчу. Но говорит пусть ветер,
На тополях бликуя и рябя,
Схоласт косноязычия, гелертер,
О чернокнижниках при книжке трудовой,
При ордере слепом райисполкома...
Свобода воль... И голос, бесконвойн,
Мой голос нарастает вдруг сквозь гомон.

VI. ЗЕНИТ

Шальная улица, Кузнецкого моста
Ремесленные узкие задворки.
На пушки здесь переводили сталь
В эпоху после Тушинского вора.

Обменники, штабы и кабаки,
Дымящиеся в урнах этикетки,
Открытые мангалы, бардаки.
Июль – кошмар стареющей кокетки.

Ей страшно, потно, зло и тяжело
Быть в городе в пустом зените лета,
Сдавать в ломбарды золото как лом,
Переживать весь город как телесность,

Удвоенную зноем, наготой,
Которая, как смерть, ей надоела.
«Я мать твою ведь знал» – один простой
Сказал ей, глядя вниз осоловело.

Дома низки. Столица, блин, Земли.
Лежит в руинах обозримый космос.
Мы никому нигде не помогли,
Страдальцы урн и тлеющих отбросов.

Читатели Флобера и Золя,
Ее частично праздные «клиенты»:
Друзья, френды, одной корысти для,
Для бесконечной идеальной ленты

Не-одинокства. Но одинок июль,
Он раскален, разъят и фанатичен.
Гудит машина. Что за Теодюль!
Что за дурак, схватившийся за тыщи!

«Я мать твою ведь знал». Что ж, может быть.
Мужчины право – говорить с намеком.
Но право есть – совсем не говорить,
Высокомерно празднуя над мозгом

Любым. И это право у нее
Еще в руках. Не вовсе охладело.
Гори окурком в урне, бытие,
Старей, отважно гибнущее тело.

VIII. В ЭТОМ СВЕТЕ

Зеленый куб, заклятая печаль.
В саду усадебном, пародии Версаля,
Кусты подстрижены, как мелкий сорный чай,
Заваренный зарей – благоуханной сайкой.

Весна безлюдная, просторный окоем.
Все близко, сплюснуто, и облака продольны.
Мы на скамьях лежим и, глядя ввысь, поем
О том, что хорошо, что ничего не больно.

В голландском домике оконная слюда
Чистопромытая, вся в перекрестках рамы,
Нам открывает озаренье, даль,
И угол комнаты, что даль и озаряет.

Край верстака, мундштук и кружка, тень
Вечерняя и проблеск на фаянсе
Какой-то ступки. Арсенал кофеен?
Алхимика прибор? Мы внутрь глядим, паяцы.

Любовь разбитая, как в ступке истолкли,
А мы все приняли и заварили кофе.
Век восемнадцатый по небу, век молитв,
Плывет в горящем облачном киоте.

Как ангел с купола – ступает по среде
Воздушной прелести, по розовым виньеткам,
Уходит в направлении «везде»,
В молчанье радости и в этом свете, в этом.

Уходим мы – домой. И синие коты
(Две шубки, различимые не сразу)
Цепляются, как ежевик кусты,
И порскают, высок, наш просветленный разум.

IX. ЧУВСТВО БОГА

Анджуму Азизу Нурани

Мусульманские четки есть у меня,
Их подарил мне коллега,
Зороастрийцами были предки его,
Триста, четыреста лет назад,
До исхода в Пакистан из Ирана.

Сейчас он британец, дипломат,
И оба мы на службе
Ее Величества,
Смотрим в окно на Москву.

Я здесь тоже случайно:
Предки мои селились на русской земле,
Успевшей стать русской те же 400 лет назад;
В Сибири, которая видится
Как разрезанный лоскут,
Если видеть ее с высоты: реки-губы,
Щеки-озера, узкие глаза боров.
Отчизна!

Мы сидим и слушаем концерт
Бетховена Емрегор,
Но не Наполеон – третий между нами.

2006 – 2018

РУССКАЯ АЗБУКА для больших и взрослых

*Памяти моей бабушки
Анны Ивановны Бердниковой*

ПОСВЯЩЕНИЕ

У каждой буквы языка родного
Есть лучшее, любимейшее слово.
Я здесь хочу их всех, мой друг, найти,
Ищу земли им, где произрасти.

Им новый край азийского простора
Открыт и дан; их греческим узором
Ищу сказать о веке, о тебе,
О Логосе, о песне, о мольбе.

По завещанию приняв твое наследство —
Родную речь – зову другое детство,
Другую юность – радоваться ей.

Свое высокомерное поэтство
Да соблюду. Да потеряю эго.
Поближе сядь. Незримый мир, ясней.

А – АННА

*Азербайджан – опаснейший аркан,
А Астара – петля живая ада.
Глаз, припадай – и волшебства стекла
Не забывай: кавказская осада.*

Ангелы в арках, бранные рати,
Игра барабанов, прощания ради
Славянки и азербайджанки Мананки.

Баку, Ленкорань,
Германцы и танки.
И Анна, о Анна, прощайся сейчас,
Когда еще ангелы в арках кричат:
«Свидания вам, о свидания вам!».
Баку – Ленкорань, о Баку – Ленкорань.

Б – БРАТЯ

Братя братьев разбомбили
Забубенные базары,
Быстро-быстро загубили
Багаудов – багдасары.

Бедовали, благо были
Бед бесчисленные бочки,
Бога грубо теребили,
Чтобы сбросил оболочку
Беспричинности бескрайней.

Быстро это не избудешь:
Бились братья так забавно —
Беглым бесом в белый бубен.

В – ВДОХНОВЕНИЕ

Веселый ветер выбирает
Ту голову, где он витает,
И век, и вещей поворот
Мгновения. И он ведет
К ответной влаге вдохновенья.
Он воли ведает извод
Во всяком человеке. Весел
Ведь всякий человек. И вот,
Он раздувает, неизвестен,
Мировладений хоровод
Для нового.
Встречай его!
И чествуй ласковость движенья.

Г — ГИМН

Гляди, как голос гол и наг,
Угрозой голода гоним, —
Как лег он, грешный.
Но – как флаг,
Когда гиперборейский гимн
В него гремящий вгонит горн, —
Вдруг голос – гладкий, весь другой, —
Погнать по гамме свой разгон
До Бога смог.
Макгрегор с гор
Горланит голубю, ягненку
И Господу, безгрешно-звонкий.

Д – ДВОЕ

Даля, бедная даля —
И гладиолус диковинный
Всегда в разделенье страдали.
Дикими рдели подковами
Редкие соединенья,
Без продолженья,
Без делу движенья.

Другие цветы дорогие,
Соединяясь, продолжались
И плодоносили радости дивом,
Но им эти дива не дались.
Длительно, жадно надеясь,
Ждали судьбы поворота.
С последним дыханием лета разделись
До правды, до слез, до дрожанья ухода.

Добровольным удушьем себя не душите:
Двое – едиными будьте, дети.

Е – ЕСТЬ

«Есть» – перво-вещь, перво-слово,
Мера всех наречий,
Сокровенное в русском,
Явленное в немецком, французском,
Английском, испанском, —
Чистая вечность.

«Есть», ist, is, est, es —
Где еще явленнее Божественный свет,
Где – яснее родственность человечеств?

«Есть», es, est, is, ist, – все
Простотою есмы, есть мы.
Слово-клей, первослово и связь всех вещей
Со всеми.

Мы лишь есть, и ничем, и ничем не владеем, —
Разве этим, что есть, бытием,
Что всех слов и целей, и умнее.

Ё – ЕЁ

Её поёт и ёж, и ёрник
Плетёт хвалы неподковёрно.
И, мглой берёзовой подёрнут,
К Ней плёс ревёт, ветвями рвётся.
В природе для Неё маёвка
Начнётся в лёд, и в лёд вернётся.
И до последней косоплётки
Всё верится, всё Сына ждётся.
Не влёгкую, но всё в подъём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.